

УДК 81'25
DOI 10.52452/19931778_2024_4_201

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДБОРА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА

© 2024 г.

К.И. Таунзед, А.В. Феоктистова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

townsendX@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.09.2023

Цель данной статьи – выявить когнитивные связи в сознании переводчика, обусловившие его решения по выбору терминологических соответствий. Объектом изучения выступают окказиональные соответствия немецких минералогических терминов в русском переводе 1778 г. Начальный этап развития минералогии в России стал причиной отсутствия устойчивых эквивалентов многим иноязычным терминам, что позволяет проследить мыслительные действия переводчика по созданию русского соответствия для незнакомого ранее понятия. Предметом исследования является характер смысловой связи между предметной семантикой двух терминов (в оригинале и в переводе). В основе соответствий-калек, заимствований, аналогов и лексических замен лежат когнитивные механизмы подражания, аналогии и метонимического переноса, которые показывают, какими путями усваивалось новое знание и развивалась терминология научной отрасли.

Ключевые слова: история перевода в России, переводы по минералогии, терминология минералогии и горного дела, окказиональные соответствия, калькирование, заимствование, подражание, аналогия, метонимический перенос.

Введение

С самого начала своего становления наука о переводе опиралась на достижения языкознания в сравнительно-сопоставительном изучении ресурсов и возможностей языков отражать многообразие внешнего мира. Однако, признавая высокую теоретическую значимость и большую практическую ценность лингвистического подхода в переводоведении, мы разделяем мнение Н.В. Иванова, что взгляд на перевод с позиции языковой структуры показывает различия и несоответствия между знаками двух языков, участвующих в процессе межъязыковой коммуникации, но не раскрывает основания тождества и соответствия между двумя текстами (оригинала и перевода), составляющие суть переводческой деятельности. Для их изучения необходим подход со стороны речевого знака в его контекстной обусловленности, выступающего в качестве опоры смысла, который, в свою очередь, лежит в основании тождества, достигаемого переводчиком [1, с. 35–36]. Подобный ракурс побуждает иначе взглянуть на привычное для теории и практики перевода понятие переводческих соответствий, рассматривая их не как взаимозаменяемые единицы двух языков, но как результат определенных мыслительных операций, совершаемых переводчиком для переывражения смысла исходного сообщения путем

адекватного выбора значений из арсенала другого языка.

Попытка изучить эти механизмы сквозь призму конкретных переводческих решений составляет цель данной статьи. Однако всё, что связано с когнитивными процессами, недоступно непосредственному научному наблюдению, поэтому достоверность исследования может быть достигнута за счет правильного выбора материала и методологических оснований.

Проследить алгоритм переводческого выбора представляется легче и нагляднее в условиях отсутствия однозначных готовых решений, которые обычно предлагаются переводчику его памятью и предшествующим опытом. Обращение к истории перевода в России XVIII в. открывает множество ситуаций, когда ввиду начального этапа освоения определенной предметной области и связанной с ним недостаточности ресурсов языка перевода русскому переводчику приходилось самому создавать соответствия безэквивалентным терминам иноязычного оригинала. Получившиеся в результате терминологические соответствия являются объектом нашего изучения. Предметом исследования выступает характер смысловой связи между предметной семантикой двух терминов в исходном тексте (далее – ИТ) и переводном тексте (далее – ПТ) как индикатор определенных мыслительных операций в сознании переводчика.

Русские тексты XVIII в. по минералогии предоставляют богатый материал для изучения различных аспектов формирования терминологии в данной сфере, поскольку именно в этот хронологический период указанное направление знания стало оформляться в самостоятельную науку, получив мощный импульс в трудах М.В. Ломоносова и в последующих переводах в основном с немецкого языка по разным тематическим разделам минералогии и горного дела. Здесь следует упомянуть, что большинство подобных переводных текстов не введены в научный оборот языкознания и истории перевода. Соответственно, их изучение сможет отчасти восполнить существующий пробел.

Методологические основания изучения когнитивных аспектов терминологических соответствий в переводе

Обращение к мыслительной стороне работы переводчика требует рассмотрения процесса перевода, а именно его внутренней составляющей. Взгляды ученых в данном направлении позволяют выделить по крайней мере три уровня этого процесса: понимание, интерпретацию и принятие решения, которые связаны между собой не линейно, а, скорее, циклично посредством итерации релевантных элементов смысла [2, с. 91–92]. Однако судить об этапах понимания и интерпретации смысла переводчиком возможно только после их материализации на последнем этапе, т.е. по конкретному переводческому решению. Оно, в свою очередь, представлено в форме соответствия в ПТ, появившемся в результате трансформации определенного речевого знака в ИТ. В данном случае мы говорим о трансформации не в лингвистическом понимании ее как приема перевода, означающего преобразование единиц ИТ в единицы ПТ, но как средства интерпретации в сознании переводчика, выводящего извлеченный из исходного сообщения смысл в речевой план создаваемого им текста. «Переводческая трансформация – интерпретационный прием перевода, который служит нейтрализации выразительных расхождений и достижению смыслового тождества между средствами исходного языка и языка перевода» [3, с. 26]. Очевидно, что характер связи между упомянутыми средствами двух языков обозначается понятием «соответствие» в переводе, а принцип этой связи определяется исследователями как неслучайный, что означает, что при отсутствии полного семантического тождества между двумя обозначениями действует когнитивный механизм метонимических отношений, требующий инференции смысла и

«позволяющий успешно декодировать имплицитное содержание языковых структур» [4, с. 86].

Важно подчеркнуть, что данный подход к пониманию традиционных для переводоведения терминов «трансформация» и «соответствие» не отрицает собственно лингвистического взгляда на них, но развивает и обогащает его включением в сферу этих понятий антропоцентрического измерения. Ключевым связующим элементом здесь является значение, которое несет содержание знака в сугубо лингвистическом плане и соотносит его с предметной ситуацией через референцию в интерпретативном плане, образуя тем самым когнитивный мост понимания. «Лишь связывая себя референцией, значение получает право быть носителем некоторого смыслового задания. <...> Семиотическое положение значения двойственно: с одной стороны, оно – референциальный интерпретатор смысла, с другой – смысловой интерпретатор референции. Значение – посредник между смыслом и референцией» [1, с. 122]. Такой функциональный потенциал значения применительно к переводческим соответствиям позволяет установить, с какой предметной семантикой переводчик связал значение фрагмента ИТ и в каком смысловом отношении к нему находится значение соответствия в ПТ.

Однако в контексте использования терминологии в специальном переводе выше приведенное утверждение может вызвать недоумение, поскольку термин в любом языке как обозначение научного явления, лишенное оценочных, образных, культурных коннотаций, должен обладать единством предметной семантики независимо от контекста употребления. Здесь следует указать, что сказанное верно в отношении устойчивых терминологических соответствий в переводе, т.е. тех, которые благодаря своей закреплённости в языке той или иной отрасли науки регулярно выступают в качестве эквивалентов терминов со сходной предметной семантикой в другом языке. Если же, как в случае с нашим объектом исследования, речь идет о контекстуальных, или окказиональных терминологических соответствиях, т.е. тех, которые создаются непосредственно переводчиком в процессе работы в условиях безэквивалентности исходного термина, тогда изучение того, как соотносится значение выбранного переводческого соответствия со значением иноязычного термина, насколько тождественна их предметная семантика, позволяет раскрыть когнитивные связи, обусловившие выбор переводчика. Как было сказано выше, переводные русские тексты XVIII в. по минералогии и горному делу предлагают немало подобных контекстов по

причине особых культурно-исторических условий осуществления перевода в ту эпоху. Обратимся теперь к одному из таких текстов.

Характеристика терминологических соответствий в русском переводе 1778 г. по минералогии

Одним из иностранных ученых, оказавших существенное влияние на развитие минералогии и горного дела в России XVIII в., был Иоганн Готлоб Леман (1719 – 1767). Немецкий специалист, оставивший после себя большое количество трудов, с 1761 года жил и работал в России при императрице Екатерине II. Здесь он стал одним из основателей Вольного экономического Общества, трудился над созданием первого в России словаря по минералогии 1790 г. Некоторые его труды были переведены на русский язык. Так, в 1778 г. при типографии Санкт-Петербургского Горного училища вышел перевод Ивана Ивановича Хемнитцера обеих частей «Кобальтословия или описания красильного кобальта по званию, породам и месторождению оною». Иван Иванович, являясь одним из преподавателей Горного училища, вел занятия по французскому и немецкому языкам, осуществлял переводы произведений по минералогии и горному делу и внес большой вклад в становление терминологии русского языка в данной предметной области. В немецком оригинале 1760 г. Леман рассуждает об образовании термина «кобальт», подробно описывает свои размышления о видах кобальта, его месторождениях, качествах и свойствах кобальта, а также сферы применения.

Анализируя перевод «Кобальтословия» в целом, надо отметить, что И.И. Хемнитцер, с одной стороны, старался близко следовать оригиналу, а с другой стороны, позволял себе вносить уточняющую информацию там, где это необходимо. Так, говоря о месторождениях кобальта, немецкий автор пишет, что «в России кобальтов поныне еще не оказалось» [5, с. 20]. Переводчик делает здесь очень подробное примечание на две с половиной страницы, предоставляя читателю новые данные по открытию разных видов кобальта в России.

Для того, чтобы исследовать когнитивные механизмы, обусловившие конкретные переводческие решения, мы изучили первую часть «Кобальтословия» на немецком и русском языках, выбрали 69 терминов из ИТ и рассмотрели их варианты перевода И.И. Хемнитцером. С учетом того, что для некоторых терминов переводчик предлагал разные русские варианты в зависимости от контекста, у нас получилось 79

русских переводных терминов, которые мы подразделяли на устойчивые (44) и окказиональные (35). Под окказиональным соответствием мы, вслед за В.Н. Комиссаровым, понимаем «нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста» [6, с. 248]. Устойчивыми соответствиями, напротив, называются единицы ИТ, регулярно применяемые для передачи одних и тех же единиц ИТ независимо от контекста. Отметим, что сравнительно небольшая разница в количестве устойчивых и окказиональных соответствий в «Кобальтословии» отражает конкретный этап развития терминологии минералогии и горного дела в России второй половины XVIII в., когда многие названия минералов, их свойств и физико-химических процессов обработки отсутствовали в языке русской науки и требовали творческого подхода со стороны переводчика.

В оригинале встречаются случаи использования как немецких, так и латинских наименований одного и того же минерала, например, лат. *Regulum* [7, с. 10] и нем. *König* [7, с. 18]; лат. *Auripigmentum* [7, с. 9] и нем. *Rauschgelb* [7, с. 7]; лат. *Cadmia fornacum* [7, с. 6] и нем. *Öfenbruch* [7, с. 6]. Слова из первой и второй пары встречаются в разных контекстах, а из последней – в одном и том же. Во всех случаях русский переводчик XVIII в. решает никак не отражать вариативность термина в переводе и предлагает русские варианты – *королек*, *опермент* и *печной галмей* соответственно. Скорее всего, данные немецкие термины прочно закрепились в языке оригинала как кальки и аналог с латинского и поэтому свободно употреблялись в ИТ в обоих вариантах. К тому же очевидно, что речь идет об одинаковом минерале в латинском или немецком обозначении, поэтому И.И. Хемнитцер совершенно оправданно сохраняет единство термина при передаче латинских и немецких наименований. Эти случаи мы относим к устойчивым соответствиям.

С точки зрения раскрытия когнитивных процессов при переводе нас интересуют окказиональные соответствия, которые мы сгруппировали по способу перевода на основе классификации переводческих соответствий В.Н. Комиссарова и выделили соответствия-аналоги, соответствия-кальки, лексические замены, соответствия-заимствования и соответствия-описания. Распределение их по указанным группам представлено на рисунке.

Как следует из данных на рисунке, 35 окказиональных терминологических соответствий, обнаруженных нами в переводе И.И. Хемнитцера, включают 15 аналогов, 12 калек, 5 лек-

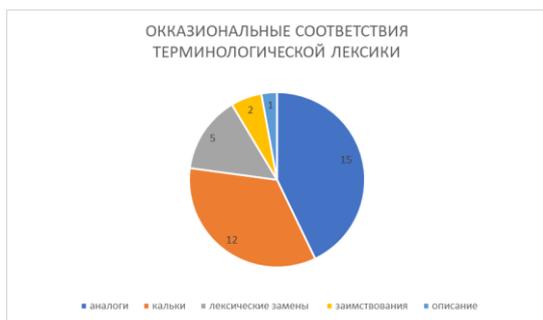

Рис.

сических замен, 2 заимствования и 1 соответствие-описание. Эти цифры свидетельствуют о преобладании аналогов и калек над другими видами соответствий в переводе, однако для утверждения о достоверности такого факта требуются дальнейшие исследования других русских переводов по минералогии, выполненных разными переводчиками во второй половине XVIII в. Теперь обратимся к анализу когнитивной стороны подобных решений переводчика и посмотрим, какие механизмы мышления в соотношении значений минералогических терминов ИТ и ПТ стоят за ними.

Когнитивный анализ переводческих решений в выборе окказиональных соответствий минералогическим терминам

Любое калькирование в переводе предполагает копирование иноязычной модели, структуры, единицы средствами языка перевода. А всякое копирование в категориях психологии означает подражание – мощный устойчивый механизм овладения человеком новыми знаниями и моделями поведения на протяжении всей жизни, начиная с раннего детства. Преломляя психологическую трактовку этого явления к процессу перевода, укажем, что Л.С. Выготский подчеркивал связь способности к подражанию с пониманием человеком ситуации [8], или, обращаясь к интерпретации в переводе, с перекодированием смысла, который всегда контекстуально ситуативен. Терминологическое соответствие-калька, созданное переводчиком для нужд конкретного контекста путем подражания иноязычной форме, отражает понимание переводчиком предметной семантики безэквивалентного термина, а через него приобщение к иному культурному опыту, к новому знанию, в чем и заключается одна из основных функций подражания.

Поясним сказанное на примере. Немецкое существительное *Sublimat* [7, с.10] и фразу с однокоренным глаголом *fast gar nichts sub-*

limiren [7, с. 24] И.И. Хемнитцер передал как *возгнанное тело* [5, с. 14] и *мало или совсем ничего не выгонится* [5, с. 47]. Данные соответствия можно признать окказиональными на основании отсутствия в Словаре русского языка XI – XVII вв. слов *возгонка*, *возгонять*, *выгоняться* в значении «превращать твердое тело нагреванием в газообразное состояние, минуя фазу жидкости, с целью очистки минерала и пр.» [9]. Эти слова в указанном значении с добавлением заимствования *сублимация*, *сублимировать* встречаются в Словаре русского языка XVIII в., однако первая фиксация глагола указана по Словарю Академии Российской 1789–1794 гг., а существительного – по первому изданию Полного французского и русского лексикона 1786 г., что на 21 год и на 8 лет соответственно позже «Кобальтословия» [10]. Минералогический словарь В.М. Севергина (1807) окончательно закрепляет это понятие: «Возгонка бывает, когда преданное действию огня тело в виде пара взлетает и потом чрез прохладение паки сгущается и на какое-либо холодное тело насадет» [11, с. 98]. Установив более раннюю фиксацию этих терминов, мы не можем утверждать, что они были впервые введены И.И. Хемнитцером в его переводе «Кобальтословия». Но учитывая, что в число источников для Словаря русского языка XVIII в. включены такие труды, как «Книга о горном деле» в рукописи 1725 г. и «Первые основания металлургии, или рудных дел» М.В. Ломоносова (1763), где эти слова не зафиксированы, мы можем с осторожностью предположить, что данные термины появились в русском языке в период с 1763 г. по 1780 г. в среде специалистов, и поэтому были использованы И.И. Хемнитцером как одним из них.

Но наибольший интерес для нас представляет их этимология, так как это калькирование латинского глагола *sublimare* в значении «поднимать кверху, возвышать». В немецком оригинале И.Г. Леман использует термины латинского происхождения, а И.И. Хемнитцер подбирает для них соответствия, созданные по той же модели из русских морфем. Очевидно, что калькирование показывает подражание образу физико-химического процесса, возникшему при восприятии иноязычного оригинала.

Механизм подражания лежит в основе создания русским переводчиком названия для ранее неизвестного минерала с немецким обозначением *Glanzkobold* [7, с. 20], которое И.И. Хемнитцер калькирует как *блесковый кобальт* [5, с. 38]. При этом отметим, что прилагательное *блесковый* не зафиксировано в русском языке XVIII в., а существительное *блеск* зафиксировано на два года позже данного перевода в

другом источнике. В современной минералогии это кобальтин – минерал класса природных сульфидов (CoAsS), имеющий устаревший синоним *кобальтовый блеск* [12]. Как мы видим, первоначальное название, предложенное И.И. Хемнитцером, копирует морфемное строение немецкого термина, делая акцент на основной химический элемент – кобальт.

С позиции психологии аналогия в контексте мышления означает индуктивное умозаключение, когда на основании сходства отдельных черт предметов или явлений устанавливается сходство между ними и по другим параметрам. Это имеет непосредственную связь с окказиональными соответствиями-аналогами, которые отличаются от эквивалентов именно частичным сходством предметной семантики единиц ИТ и ПТ. С одной стороны, умозаключение по аналогии не обязательно верно, потому что сходство в отдельных чертах может приниматься за полное тождество при отсутствии такового. Но, с другой стороны, в конкретной ситуации общения различия между предметами или явлениями могут оказаться нерелевантными, что позволяет переводчику использовать такие значения как соответствия-аналоги.

В случае подбора окказионального соответствия безэквивалентному термину механизм аналогии действует, по нашему мнению, следующим образом. Воспринимая незнакомое прежде понятие, переводчик исходит, в первую очередь, из его значения, раскрываемого в контексте, которое «неотделимо от субъективного отражения реальности человеческим сознанием в виде образов. <...> Процесс становления образа объекта начинается с его чувственного восприятия, затем проходит фазу анализа и постижения сущности этого объекта и завершается обобщением и синтезом выявленных деталей» [13, с. 412]. Именно на этапе анализа происходит выделение релевантных признаков предмета или явления, а этап постижения переводчиком его онтологических свойств требует опоры на когнитивно-тезаурусные пресуппозиции [2, с. 97], которых в случае начальной стадии формирования научного знания может оказаться недостаточно. Тогда включается механизм аналогии, предлагающий переводчику на основе выявленных им признаков сходный образ в сознании. Последующий синтез смысла в контексте может либо выявить, либо не выявить расхождения в проведенной аналогии. Очевидно, что в последнем случае возникает окказиональное соответствие-аналог.

Проиллюстрируем сказанное на примере из «Кобальтословия». Немецкий термин *drusiger* (*Kobold*) в современной минералогии имеет

устойчивое соответствие *друзистый*, которое происходит от существительного *друза*, обозначающего группу кристаллов, соединенных общим основанием с одного конца и ограненных с другого конца [14]. Не имея готового эквивалента в русском языке XVIII в., И.И. Хемнитцер в первом случае употребления создает соответствие-аналог – *хрусталловидный кобальт* [5, с. 37]. Здесь ясно прослеживается образ, возникший в сознании переводчика – минерал в виде кристаллов, при этом сема сращения их на одном основании отсутствует, как и сема конгломерата таких кристаллов. Возможно, ввиду расхождений в предметной семантике проведенной аналогии русский переводчик в двух других случаях употребления прибегает к калькированию – *щеточный* [5, с. 38] / *щетковатый кобальт* [5, с. 43], поскольку *drusiger* происходит от нем. *Druse* в значении «щетка». Используя механизм подражания смысловому образу оригинала, И.И. Хемнитцер восполняет недостающие компоненты семантики – множественности на общем основании.

В этой связи важно подчеркнуть необходимость рассмотрения терминотворчества русских переводчиков XVIII в. в динамике их интерпретации текста, когда по мере освоения новой научной реальности в процессе перевода происходит смена когнитивных механизмов и выбора окказиональных соответствий терминам. Это было характерной приметой времени – новый термин получал множественные обозначения в русском языке, что свидетельствовало о периоде накопления знаний и испытания ресурсов национального языка.

Под лексическими заменами принято понимать такие лексико-семантические преобразования в переводе, как конкретизация, генерализация, модуляция, или смысловое развитие, т.е. те отношения между значениями в ИТ и ПТ, которые можно охарактеризовать в широком смысле как метонимический перенос. При этом речь не идет о понимании метонимии в рамках стилистики, но мы говорим о метонимии как о «семантическом сдвиге или замене семантических признаков в описании предметной (внеязыковой) ситуации» [2, с. 105]. С позиции психологии лексические замены отражают когнитивный процесс, когда, по словам Б.М. Величковского, «одна ментальная структура, например, понятие или концепт, может представлять связанную с ней другую структуру или ментальную область в целом» [цит. по: 4, с. 78]. Подобные связи между образами в сознании переводчика могут быть родо-видовыми, причинно-следственными, культурно-ассоциативными, поэтому лексические замены охватывают различные приемы перевода.

В рассматриваемом переводе 1778 г. такие семантические переносы с общего на частное и наоборот или с причины на следствие и наоборот встречаются всего в нескольких случаях. Вот один из них: *Bald ganz, bald halb, bald undurchsichtig* [7, с. 25] – *Иногда совсем, иногда отчасти прозрачное, а иногда темное тело* [5, с. 48]. При этом ранее И.И. Хемнитцер передал *durchsichtig Arsenik* [7, с. 24] как *прозрачный мышьяк* [5, с. 46], однако для передачи этого же прилагательного с отрицательным префиксом он отказывается от русского соответствия *непрозрачный* и использует конкретизацию – *темное тело*. Вероятно, подобный выбор был обусловлен стремлением переводчика к более точному отражению предметной ситуации, которую он ясно себе представлял.

Обращаясь к редким терминологическим заимствованиям, укажем, что в когнитивном плане они появляются в результате подражания иноязычному обозначению, как и кальки, но в отличие от последних обладают гораздо меньшим объяснительным потенциалом. К примеру, заимствуя название минерала *хризоколла*, И.И. Хемнитцер сопровождает его в скобках прямым графическим переносом – *Chrysocolle* [5, с.11], что является косвенным подтверждением окказиональности такого соответствия, поскольку русский переводчик XVIII в. при первом использовании созданного им термина удостоверял свое решение указанием исходной формы.

Этот термин произошел путем сложения греческих слов «золотой» и «клей», потому что хризоколла использовалась для пайки изделий из золота. Однако сам минерал подкласса слоистых силикатов от ярко-голубого до зеленовато-голубого цвета более походит на малахит или бирюзу, чем на золото, являясь компонентом окисленных медных руд [15]. Из-за несоответствия названия минерала его внешним признакам и нахождению в природе мотивированность формы отсутствует, что делает калькирование невозможным. В таком случае подражание иноязычному термину в переводе принимает вид заимствования.

В завершение когнитивного анализа терминологических соответствий в русском переводе «Кобальтословия» 1778 г. отметим, что преобладание окказиональных соответствий-аналогов и калек было выявлено нами в переводе Н. Иконникова «О роговой руде» 1780 г. [16, с. 196], на основании чего можно сделать осторожное предположение о доминировании мыслительных механизмов аналогии и подражания при формировании минералогической терминологии в России XVIII в. Однако эта гипотеза требует проверки и уточнения в ходе

дальнейших исследований других русских переводов по минералогии и горному делу этого периода.

Заключение

Когнитивный ракурс изучения окказиональных соответствий минералогических терминов в истории перевода позволяет сделать следующие выводы:

- основой интерпретации термина в переводе является его предметная семантика, отражение которой создает смысловое тождество ИТ и ПТ;
- соотношение предметной семантики исходного термина и его окказионального соответствия в переводе позволяет выявить механизмы мышления, при помощи которых переводчик устанавливал смысловое тождество;
- преобладающими когнитивными механизмами подбора терминологических соответствий в русском переводе XVIII в. по минералогии стали подражание, аналогия и метонимический перенос;
- подражание проявлялось в калькировании и заимствовании терминов оригинала, где семантические кальки доминировали над заимствованиями по причине их большего объяснительного потенциала;
- аналогия как индуктивное умозаключение легла в основу соответствий-аналогов, когда при недостаточности когнитивно-тезаурусных пресуппозиций на этапе анализа объекта переводчик принимал его за аналогичный знакомый объект;
- способность выражать одно понятие через другое, связанное с ним, обусловила использование лексических замен в виде конкретизации, генерализации, смыслового развития, так как в основе этих приемов перевода лежит метонимический перенос.

Конкретные переводческие решения в условиях безэквивалентности иноязычного термина в культуре языка перевода свидетельствуют о присутствии указанных механизмов мышления при интерпретации сочинения по минералогии русским переводчиком XVIII в. Однако судить об их возможной иерархии, преобладании одних над другими, распределении по тематическим областям можно только при условии изучения некоторого массива переводных текстов, принадлежащих разным переводчикам и выполненных на одном и том же этапе развития научной отрасли.

Список литературы

1. Иванов Н.В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М.: ИД «Международные отношения», 2018. 152 с.

2. Коровкина М.Е., Семенов А.Л. Когнитивно-коммуникативные основания интерпретации в переводе // В кн.: История, теория и дидактика переводческой деятельности. М.: ФЛИНТА, 2023. С. 90–110.
3. Иванов Н.В. О риторическом аспекте переводческого анализа (в поддержку трансформационного подхода к переводу) // Сб. тр. Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием «Перевод как профессия, наука, творчество», Москва, 7–9 декабря 2022 г. Т. 1. С. 19–27.
4. Сулейманова О.А., Нерсесова Э.В. Принцип неслучайной связи в переводческих практиках // В кн.: История, теория и дидактика переводческой деятельности. М.: ФЛИНТА, 2023. С. 73–89.
5. Леман И.Г. Кобальтословие или описание красивого кобальта по званию, породам и месторождению одного / Пер. с нем. И. Хемнитцера: в 2-х частях. Ч. 1. СПб.: при Горном училище, 1778. 200 с.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
7. Lehmann, Johann Gottlob. Cadmiologia oder Geschichte des Farben-Kobolds nach seinen Nahmen, Arten, Lagerstaedten darbey brechenden Metallen, Mineralien, Erzten und Steinen. Königsberg; [Leipzig], 1761. S. 115.
8. Караяни Ю.М. Подражание // Энциклопедический психологический словарь-справочник. 1000 понятий определений терминов. Минск: Харвест, 2021. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/enciklopedicheski-psiologicheskii-slovar-spravochnik-1000-ponjati-opredelenii-terminov-minsk-harv.html>
9. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 т. М.: Наука, 1975–2015. URL: <http://web-corpora.net/wsgi/oldrus.wsgi/dict>
10. Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР Ин-т рус. яз. Л.: Наука, 1984–1991. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/>
11. Севергин В.М. Подробный словарь минералогический: в 2-х т. Т. 1. СПб.: при Имп. Академии наук, 1807. 389 с.
12. Пекова Н.А. Кобальтин // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/kobal-tin-1fb490/?v=4825335>. (дата публикации: 09.09.2022).
13. Кондрашова Н.В. Механизмы мышления и их функционирование в процессе переводческой деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 411–413.
14. Пекова Н.А. ДРУЗА // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2017. URL: <https://old.bigenc.ru/geology/text/1969089> (дата обращения: 26.08.2023).
15. Генералов М.Е. ХРИЗОКОЛЛА // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2017. URL: <https://old.bigenc.ru/geology/text/4670810> (дата обращения: 28.08.2023).
16. Феоктистова А.В. Перевод Н. Иконникова «О роговой руде как новом виде серебряной руды» сквозь призму исторического переводоведения и терминоведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 2 (77). С. 191–199. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.191.

TERMINOLOGICAL CORRESPONDENCES IN TRANSLATION HISTORY: COGNITIVE PERSPECTIVE

K.I. Taunzend, A.V. Feoktistova

The article is an attempt to explore cognitive mechanisms, which determine the choice of terminological correspondences. The object of research is contextual correspondences to mineralogical terms in the Russian translation dating back to 1778. This historic period witnessed the rise of minerology in Russia, which was the reason why many foreign terms had no equivalents yet in the Russian language. This allows tracing the mental process of creating new terms for the unfamiliar notions. The cognitive perspective reveals itself in the type of a semantic link between the source text term and the target text term. The authors conclude that loan translation, borrowings, analogues and lexical transformations in the 18th century Russian translation are deeply rooted in the imitation, analogy and metonymic shift as mental operations for acquiring knowledge and forming terminology in the field of science.

Keywords: Russian translation history, translations in minerology, mineralogical terminology, contextual correspondences, loan translation, borrowing, imitation, analogy, metonymic shift.

References

1. Ivanov N.V. Interpretation in the symbolic ontology of language and in translation. M.: Publishing House «International Relations», 2018. 152 p.
2. Korumkina M.E., Semenov A.L. Cognitive and communicative bases of interpretation in translation // In the book: History, theory and didactics of translation activity. M.: FLINT, 2023. P. 90–110.
3. Ivanov N.V. On the rhetorical aspect of translation analysis (in support of the transformational approach to the translation) // Collection of works All-Russian scientific and practical conference with international participation «Translation as a profession, science, creativity», Moscow, December 7–9, 2022. Vol. 1. P. 19–27.
4. Suleymanova O.A., Nersesova E.V. The principle of non-random communication in translation practices // In the book: History, theory and didactics of translation activity. M.: FLINT, 2023. P. 73–89.
5. Lehman I.G. Cobalt word or description of cobalt coloring by rank, breeds and place of birth thereof / Translated from German I. Hemnitzer: in 2 parts. Part 1. St. Petersburg: at the Mining College, 1778. 200 p.
6. Komissarov V.N. Theory of translation (linguistic aspects): Textbook for institutes and faculties of foreign languages. M.: Higher School, 1990. 253 p.
7. Lehmann, Johann Gottlob. Cadmiologia oder Geschichte des Farben-Kobolds nach seinen Nahmen, Arten, Lagerstaedten darbey brechenden Metallen, Mineralien, Erzten und Steinen. Königsberg; [Leipzig], 1761. S. 115.

8. Karayani Y.M. Imitation // Encyclopedic psychological dictionary-reference book. 1000 concepts of definitions of terms. Minsk: Harvest, 2021. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/enciklopedicheskii-psihologicheskii-slovar-spravochnik-1000-ponjatii-opredelenii-terminov-minsk-harv.html>
9. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries: in 30 volumes. M.: Science, 1975–2015. URL: <http://web-corpora.net/wsgi/oldrus.wsgi/dict>
10. Dictionary of the Russian language of the XVIII century / USSR Academy of Sciences Institute of the Russian Language. L.: Science, 1984–1991. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/>
11. Severgin V.M. A detailed dictionary of mineralogical: in 2 volumes. Vol. 1. St. Petersburg: with Imp. Academy of Sciences, 1807. 389 p.
12. Pekova N.A. Kobaltin // Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal. URL: <https://bigenc.ru/c/kobal-tin-1fb490/?v=4825335> (Date of access: 09.09.2022).
13. Kondrashova N.V. Mechanisms of thinking and their functioning in the process of translation activity // The world of science, culture, and education. 2021. № 6 (91). P. 411–413.
14. Pekova N.A. DRUZA // Great Russian Encyclopedia. The electronic version. 2017. URL: <https://old.bigenc.ru/geology/text/1969089> (Date of access: 26.08.2023).
15. Generalov M.E. CHRYSOCOLLA // Great Russian Encyclopedia. The electronic version. 2017. URL: <https://old.bigenc.ru/geology/text/4670810> (Date of access: 28.08.2023).
16. Feoktistova A.V. Translated by N. Ikonnikov «On horn ore as a new type of silver ore» through the prism of historical translation and terminology studies // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2023. № 2 (77). P. 191–199. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.191.